

Обычно он играл алкоголиков. Хотя в жизни не выпил ни капли. И вообще Брондуков вне экрана - человек очень серьезный.

- Борислав Николаевич, никогда не мучались, что приходится ТАКИЕ роли играть?

- Кино и жизнь - разные вещи. Главное, чтобы моим героям верили, а людям они нравились.

- Трудно быть... органичным, что ли... алкоголиком?

- Трудно. Поэтому, готовясь к подобным ролям, я подолгу бродил по московским пивным и киевским гастрономам, часами сидел на улице, "подсматривал".

- Репетиции требовались?

- Только однажды. На съемках в Ярославле я, репетируя сцену, в которой должен быть "в стельку", решил проверить себя. Ушел со съемочной площадки на улицу, нашел пьяного - и поздоровался с ним. Так он, приняв меня за своего, стал обниматься, поцеловал даже. Со стороны мы смотрелись, как два

Проба к картине «Двадцать дней без войны».

Борислав Брондуков:

Алкаши никогда не верили, что я убежденный трезвенник

алкаша, хотя я был совершенно трезв. И, честно говоря, счастлив: изобразить на экране пьяного трудно.

- Но уж вы это делали так, что трезвым Брондукова и представить трудно...

- Да уж натерпелся... Помню, не успел выйти в Тбилиси из аэропорта, как какие-то грузины схватили меня за руки, насильно усадили в машину и, не давая сказать слова, затараторили: "Поехали, дорогой! Выпьем, погуляем". Я им: "Ребята, я не пью!". "Ладно-ладно, - усмехнулись. - Знаем!".

Много казусов было. Помните, эти огромные очереди за вином? Идешь бывало мимо по улице, так сразу подлетают: "Слушай, возьми бутылочку. Тебя ведь все знают, без очереди дадут".

- Ну и?..

- Уваживал... В очереди сразу оживление: "Расступись". Продавщицы аж таяли. Я брал водку и отдавал "заказчикам". Они, понятно, сразу предлагали "сообразить".

- Ладно, давайте сменим тему. Конфликты с режиссерами у вас, Борислав Николаевич, случались? Когда они так видели вашу роль, а вы - эдак?

- Сколько угодно. Вот, например, с Рязановым во время съемок фильма "О бедном гусаре замолвите слово". Там я играл тюремщика. И для себя эту роль заранее проработал. Но Рязанову не понравилось. "Не те интонации!", - кричит. Я спорил, сказал, что в картину он меня взял не попугаем, копирующим рязановские интонации. Ругались мы долго, и я предложил Рязанову взять на эту роль другого актера. На следующий день Эльдар Александрович собрал всю группу и передо мной извинился.

- А не боялись потерять работу?

- Нет, не боялся, потому что был уверен: как актер все равно себя найду.

- Скажите, есть роль, которую вы хотели сыграть, но не довелось?

- Этот вопрос мне однажды задавали - лет двадцать назад. В Ленинграде тогда шел кинофестиваль, на котором представляли фильм "Каменный крест". Роль вора в нем я считаю одной из лучших своих работ. Так вот, приходят ко мне в гостиницу

Киев. Осень 1995-го.

журналисты. И среди прочих вопросов задают и этот. Ну, я отвечаю: "Знаете, всю свою жизнь мечтал сыграть Ленина". Немая сцена - никто не знает, как реагировать. А я продолжаю: "Да, мечтаю сыграть Ленина". И через паузу добавляю: "В ТЕАТРЕ САТИРЫ"...

- Вам это сошло с рук?

- М-да... Не успел вернуться с фестиваля, как тут же вызвали в КГБ. Прихожу, сидит человек в штатском. Вертит в руках мою фотографию. И не знает, с чего начать. "Вы знаете, - наконец, говорит, - на вас тут из Ленинграда поступило несколько "сигналов". Потом как-то замаялся и вдруг: "Мы так уважаем вас и ваше творчество. Не могли бы вы моему сыну фотографию подписать?". Я, конечно, подписал. И тут он спрашивает меня "в лоб": "Все было действительно так?". "Да, - сознаюсь, - так. Но я тогда выпил, не сознавал, что говорил". Мне почему-то подобные вещи всегда прощались. Хотя директор студии, покойный Довженко, меня тогда приложил: "Мать твою, если б такое при Сталине случилось, ты б уже на Колыме гнил".

- Вы давно не снимаетесь. Что, на Украине нет работы?

- Нет и не предвидится. К тому же я долго и сильно болел. Два инсульта перенес. Единственное, чем могу заниматься в последнее время, - сниматься в рекламе. Но разве это серьезное дело?

- Обидно?

- На что обижаться? Жизнь такая, все по правилам. Просто вспоминаются старые времена, когда я работал. И эти воспоминания сторицей перекрывают сегодняшнее... уныние.

- Вас всегда считали человеком веселым...

- Веселым-то веселым, но я всегда мог трезво оценивать ситуацию.

- Поэтому и выбирали "роли второго плана"?

- Ну почему? Было и так, что мне давали сценарий и говорили: Борислав Николаевич, выберите себе любую роль. Можно было взять и главную, а я останавливался на небольшой. Но яркой, характерной!

А предложений было много, особенно после фильма "Вас ожидает гражданка

Никанорова". В роли героя-любownika меня вообще никто не представлял. А я вот сыграл. Худсовет потом долго возмущался: как же так, Брондуков ведь по жизни играет "алкашей и прочую шваль!". Лишь композитор Фрадкин сказал: "Слушайте, вам удалось невозможное. Вы поломали стереотип вокруг своего имени".

- Чем заполнена ваша жизнь сегодня?

- В парк вот хожу, гуляю. Да в деревню иногда наведываюсь. Там у нас дом после теста остался, две собачки живут - сторожат. Я с ними дружу. Пожалуй, и все. Пенсионер, одним словом.

- Вы себя полностью в кино реализовали?

- Нормальный человек такого не скажет о себе до самой смерти. Вы знаете, сколько у меня сил и задумок?!

Вот сейчас мы с вами распрощаемся, и я пойду. Знаете, куда? Здесь недалеко есть католический костел. У меня мать была полька, и в детстве в католичество окрестила. В последнее время меня особенно тянет к этому месту. Там тихо, спокойно. В сквере детишки играют. Я сяду, буду смотреть на них. И думать о своем. Мне есть, что вспомнить...

Ирина МАСТЫКИНА,
Серафим БЕРЕСТОВ.

(Наши спец. корр.).

Фото из архива

Б. Брондукова и авторов.